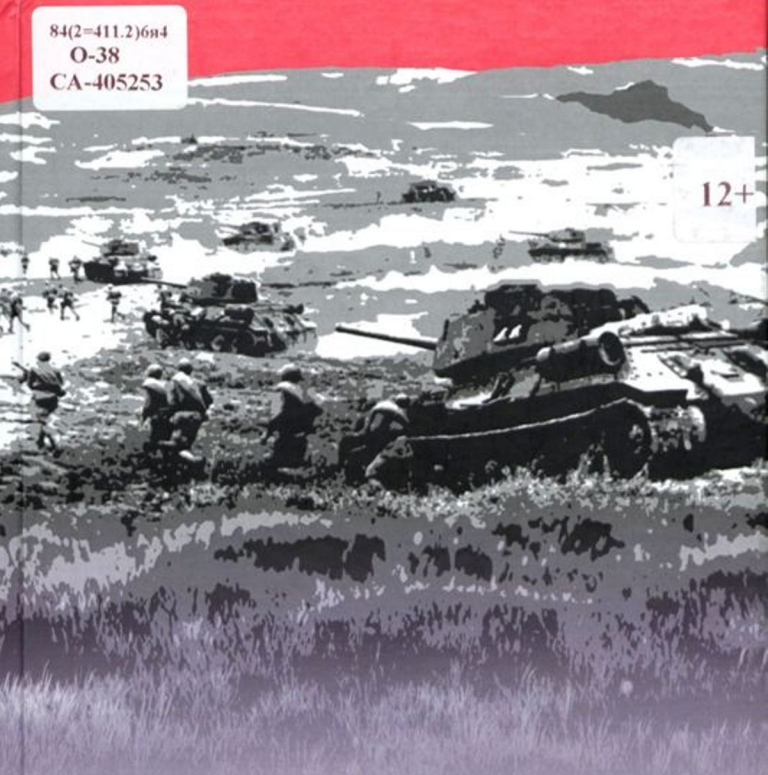

84(2=411.2)6я4

О-38

СА-405253

12+

ОГНЕННАЯ ДУГА

РАССКАЗЫ
ОЧЕРКИ
СТИХОТВОРЕНИЯ

80 ЛЕТ ПОБЕДЕ
В КУРСКОЙ БИТВЕ

84(2=411.2)6я4

О-38

СА-405253

12+

ОГНЕННАЯ ДУГА

РАССКАЗЫ
ОЧЕРКИ
СТИХОТВОРЕНИЯ

80 ЛЕТ ПОБЕДЕ
В КУРСКОЙ БИТВЕ

ОГНЕННАЯ ДУГА

Рассказы
Очерки
Стихотворения

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

2023
Курск

са - 405253

Содержание

Евгений Карпук. Вступительное слово	5
Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ	6

Раздел 1. ИЗ ЗОЛОТОГО НАСЛЕДИЯ

Евгений НОСОВ	12
Василий АЛЁХИН	20
Константин ВОРОБЬЁВ	23
Николай КОРНЕЕВ	38
Пётр САЛЬНИКОВ	41
Александр ХАРИТАНОВСКИЙ	67
Николай ШИТИКОВ	76
Николай КОНЯЕВ	87
Валентин БАРЫШЕВ	89

Раздел 2. ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ «КУРСКАЯ БИТВА»

Савелий ЧЕРНЫШЁВ	96
Виктор ДАВЫДКОВ	101
Николай ШАДРИН	105
Пётр МИХИН	114
Михаил ЕСЬКОВ	118
Вадим КОРНЕЕВ	137
Владимир НОСОВ	142
Борис БЕСПАРТОЧНЫЙ	150

Раздел 3. СТИХИ И ПРОЗА ЧЛЕНОВ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Юрий АСМОЛОВ	157
Ольга АЛЁНКИНА	160
Геннадий АЛЕКСАНДРОВ	161
Дмитрий ЖУКОВ	163
Надежда ЖУКОВА	173
Леонид ЗВЯГИНЦЕВ	176
Иван ЗИБОРОВ	178
Василий ЗОЛОТОРЁВ	180

Анатолий ЗУБКОВ	184
Светлана КУПАВЫХ	191
Евгений ЛАТАЕВ	194
Леонид МЕДВЕДЕВ	197
Леонид НАЛИВАЙКО	199
Николай ПАХОМОВ	202
Юрий ПЕРШИН	211
Егор ПОЛЯНСКИЙ	214
Владимир РЯБИНИН	216
Олег САРАНСКИХ	220
Владимир ЧЕМАЛЬСКИЙ (МУХА)	222
Николай ШАТОХИН	236
Вадим ШЕХОВЦОВ	241
Алексей ШИТИКОВ	245

Раздел 4. ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ ЧЛЕНОВ СОЮЗА КУРСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ

Владимир РУСИН	249
Ирина АНИКАНОВА-КОЛОМЫЧЕНКО	253
Иван АФАНАСЬЕВ	256
Татьяна БАСОВА	258
Марина БЕЗГИНА	260
Лариса БЕРЕЗА (ФРОЛОВА)	262
Ольга БРЕДИХИНА	265
Александр ВЕСЕЛОВ	266
Артём ВИННИКОВ	268
Максим ВОЛОВИКОВ	270
Жанна ГЛАДЧЕНКО	275
Сергей ГРЕШИЛОВ	277
Алексей ГУСЕВ	278
Владимир ЕКИМОВ	280
Галина ЕМЕЛЬЯНОВА	282
Иван ЗАРЕЦКИЙ	283
Клавдия ЗИБОРОВА	284
Ольга КОВАЛЕВА	290
Людмила КОЛОМИЕЦ	293
Андрей КОРОБЕЙНИКОВ	296

Валентина КУЛАГИНА	298
Олег ЛУЗАНОВ	299
Роза МАШНИНА	307
Алла МИХАЙЛОВА	308
Лев МНУШКИН	310
Галина ПАРМАНИНА	312
Алла ПАШИНА	313
Мария ПИРОЖЕНКО	315
Нина ПОДТУРКИНА (ХРУСТАЛЁВА)	317
Наталья ПРОКОФЬЕВА	318
Михаил РАЗАЕВ	319
Лидия РАКИТСКАЯ	321
Ольга САМОЙЛОВА	322
Вениамин САРАНСКИХ	323
Яков СОЛОДКИН	325
Татьяна СТРАХОВА	327
Юрий СУХОВ	329
Дмитрий СУХОЧЕВ	331
Виктор ФЕСЕНКО	333
Эвелина ЧАРКОВСКАЯ	336
Лилия ХАТЮХИНА	337
Анатолий ХОДИН	338

Раздел 5. ПУБЛИЦИСТИКА. ОЧЕРКИ

Борис АГЕЕВ	341
Евгений КАРПУК	361
Ольга и Наталья АРТЁМОВЫ	367
Анна ГАЛАНЖИНА	382
Александр ГРАЧЁВ	389
Николай ГРЕБНЕВ	401
Владимир КУЛАГИН	404
Михаил ЛАГУТИЧ	415
Сергей МАЛЮТИН	420
Валентина ТКАЧЁВА	423
Тамара АНТИПЕНКО	428
Анна ЕГОРОВА	437
Элина ХОЛЧЁВА	441

Дорогие друзья!

Перед вами сборник курских авторов, посвященный 80-летию победы наших дедов в Курской битве. Победе в сражении, собравшем немало эпитетов, – это и «первое летнее поражение вермахта», и «самый мощный артобстрел за всю историю войн», и «самое крупное танковое столкновение», и много чего другого. Листая архивные документы, журналы боевых действий корпусов и дивизий, невольно осознаёшь, насколько это было грандиозное по масштабу, накалу и ожесточённости сражение. За скуными цифрами командиров отчетливо просматривается колоссальная цена, что заплатил советский солдат за победу. За неполный день боя дивизии теряли половину своего личного состава, танковые корпуса – свыше ста бронемашин, а артдивизионы – десятки батарей. Но и за всю тысячелетнюю историю России у неё никогда не было слабых противников, хотя страна не начинала войн, она их заканчивала. Как отмечал исследователь А.А. Кирсновский, когда какая-либо армия объявляла себя первой – сильнейшей в мире, на её пути тут же вставал русский воин, и она становилась «второй». В 43-м на Курской дуге мы в очередной раз доказали это миру.

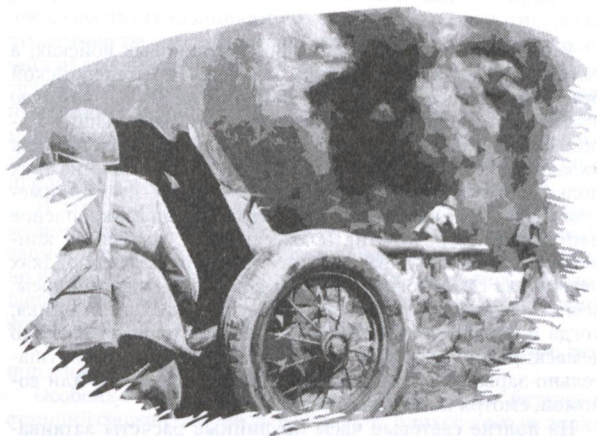
Сборник, что вы держите в руках, дань памяти русскому солдату.

*Председатель Курского регионального отделения
Союза писателей России
Евгений Карпук*

Раздел 1.

ИЗ ЗОЛОТОГО НАСЛЕДИЯ

*Произведения участников
Великой Отечественной войны и Курской битвы*

**Евгений
НОСОВ**

15.01.1925 – 12.06.2002

*Член Союза писателей СССР/России,
участник Великой Отечественной
войны, Герой Социалистического
Труда*

СЛОВО О СЕРЖАНТЕ БОРИСОВЕ

Рассказ

Я воевал в истребительно-противотанковых войсках, а если точнее, то в 1969-м полку отдельной артиллерийской бригады Резерва Главного командования (РГК), которую возглавлял полковник Сыроваткин, и на всех наших машинах белел опознавательный знак «С», что читалось как «хозяйство Сыроваткина». Хозяйство это состояло из трех полков пятибатарейного состава по четыре 57-миллиметровые пушки в каждой батарее. Это – всегда танкоопасное направление, средоточие вражеских сил, ожидание концентрированного удара. Это – всегда в передовых порядках пехоты, на самом огнедышащем краю фронтовой полосы, всегда – скрытная, потаенная жизнь на виду у противника, когда с рассветом всякое шевеление на позиции грозило демаскировкой и обстрелом и все замирало у орудий, тщательно зарытых и закиданных ветками, бурьяном или соломой, смотря по местности и времени года.

На долгие световые часы орудийные расчеты затаивались в ячейках, в боковинах которых каждый себе отрывал глубокую нору. Это и было нашим жильем, единственным прибежищем, где мы вынуждены были коротать эту барсу-

чью земляную настороженную жизнь в недвижной замкнутости и разобщенности. В целях маскировки к батарее не тянули никаких траншей и ходов сообщения, не разрешалось проходить, не говоря уж об артистах.

За все это нас так и прозвали – «барсуки».

С наступлением сумерек расчеты оживали, можно было выползти наверх, размять затекшие ноги. Ночью, расцветенной трассами пуль, в зыбких отсветах немецких ракет мы принимались за работу: осторожно, чтобы не стучать лопатами, поправляли огневую, углубляли пушечные капониры-карманы, укрытия под боеприпасы, маскировали свежевыброшенную землю, таскали на себе ящики с боеприпасами из батарейных тылов.

В этой артиллерии люди подолгу не задерживались. Едва ознакомишься с новичками, едва притрешься, вот уже кого-то уносят в санчасть, кому-то роют скорбную двухметровку... Сколько прошло вот так через наши расчеты, которые редко когда были в полном составе! Чаще же приходилось, увесив ствол ящиками со снарядами для противовеса, втроем-вчетвером тащить на себе пушку, а в ней, матушке, чистых тысяча сто пятьдесят килограммчиков! И эта скоротечность бытия и давность событий смешали и перепутали имена моих недолгих побратимов. Менялись расчеты, промелькивали на огневых командиры орудий, командиры огневых взводов, комбаты и даже один из командиров полка продержался у нас одну только Бобруйскую операцию.

И вот теперь мучаюсь, понуждаю обремененную временем память: кто и когда был у нас на батарее? Никаких записей делать тогда не разрешалось, и не только имена, но и многие пути-дороги и даже города смешались в нерасщепляемый клубок, тем более что бросали нас то на один конец фронта, то на другой, и все – ночью, ночью...

Однако многие помню довольно явственно, хотя с тех пор минуло тридцать с лишним лет.

Особенно накрепко врезался в память наш батареец старший сержант Борисов. В общем-то близко я его не знал: я числился во втором расчете, а он – командиром первого, так что, как говорится, из одного котелка не хлебали. Знал я только, что в армии он еще с довоенных времен и не сни-

мал гимнастерку что-то уже лет пять или шесть. Откуда он родом и была ли у него семья, родные, мне тоже неизвестно. Однако тяготы войны, казалось, никак не отразились на нем: выглядел он свежо, опрятно, насколько позволяла наша норная жизнь, при первой возможности стирал свою гимнастерку, на которой всегда белел жесткий пластмассовый подворотничок. Весь он был какой-то основательный и прочный: и крутыми плечами, и сильными икрами, распиравшими голяшки внушительных кирзачей, и даже крупным, аккуратно выбритым лицом с детской белобрывостью бровей и короткого ершика под пилоткой. Был он приветливо голубоглаз и как-то внутренне сиял, так что мне казалось, будто он постоянно что-то напевал про себя. Я не слышал, чтобы Борисов, как иные командиры орудий, повышал голос, и на его огневой обычно тихо и незаметно раньше всех заканчивались земляные работы.

Наверно, не мне одному хотелось попасть в расчет Борисова, от которого веяло незыблемой надежностью, как от пяти накатов над головой. С наступлением темноты, когда все выползали наружу, Борисов иногда навевывался к нам. Заходил он просто так, по-соседски. У него была неизменная привычка: войдя в круг огневой, нагнуться к орудию, скользнуть взглядом по стволу в щитовую надствольную щель, будто проверял направленность пушки, туда ли она глядит. Потом окидывал огневую, снарядные ниши, упоры под сошники. Делал он это все с той же веселостью, с кажущимся мурлыканьем какой-то внутренней песенки, после чего подсаживался к нам на раскинутые станины, которые к вечеру перед ужином, если фриц не свирепствовал, не чесал по передовой из пулеметов, служили нам вроде деревенских сиделочных скамеек. Да и при внезапном обстреле всегда можно тут же пасть под пушку, заслониться ее щитом, колесами и бруствером.

— Ну как, еще не соскучились по «тиграм»? — весело спрашивал Борисов.

По танкам, конечно, не заскучаешь, и бойцы, принимая шутку, оживлялись, лезли за куревом.

— Так... — усмехался Борисов. — Ну а если наводчик выйдет из строя, ты, Пермяков, к примеру, сможешь заменить?

Пермяков, долговязый, нескладный солдат в обмотках под самые коленки, недавно прибывший с пополнением, конфузливо мялся.

— С прицелом-то ознакомился?

— Пока не...

— Что ж так?

— Я ж дотоль в пяхоте был. Там этова не требовалось.

— Что с него взять? — бойцы незлобиво стукали Пермякова по сутулой спине. — Его еще драить надо, мох счищать.

— Прицел надо всем знать: гладишь, пригодится...

Борисов вставал, а нам было жаль, хотелось, чтобы посидел еще. Есть такие люди — чем-то притягивают к себе.

И все же мне довелось повоевать с Борисовым бок о бок. Вернее, даже не повоевать, а вместе выпустить всего лишь несколько снарядов...

Было это в начале июля сорок четвертого.

Бобруйскую операцию мы начинали под Рогачевом с форсирования Друти. Кто был на этом лобовом участке прорыва 1-го Белорусского фронта, тот знает, какие это были тяжелые бои. Двое не то трое суток мы никак не могли сдвинуться с места, отражая свирепые танковые контратаки. И лишь после флангового охвата немцы начали пятиться и отходить на Бобруйск.

Не буду вдаваться в подробности разгрома Бобруйской группировки противника, скажу только, что наша бригада в те дни рыскала по лесам, затыкая дыры, устраивая заслоны и засады на путях метавшихся в окружении танковых частей фашистов. Фронт давно куда-то ушел, через несколько дней был освобожден Минск, а мы все еще схватывались с фашистами в наших глубоких тылах, громили его технику, загоняли ее в топи.

После ликвидации Бобруйского котла нас срочно перебросили в район Минска, где шла такая же кровопролитная схватка с зажатой в кольцо стотысячной армией противника. Отдельные части фашистов с фанатическим упорством пытались прорваться на запад, и нашу бригаду выбросили им наперерез в окрестности станции Негорелое, последней нашей точки на прежней, довоенной границе.

Тут-то, вблизи памятной Негорелой, мчась по Барановичскому шоссе, с ходу и напоролись на выходявшие из окружения части.

Мы сидели по машинам, когда внезапно слева, с высокого склона, поросшего рожью, по нам открыли пулеметно-автоматный огонь. И тут же из хлебов поднялись зловещие немецкие каски.

— Орудия к бою! — понеслось по нашей маленькой колонне, и мы кубарем вывалились из машин, в считанные секунды сбросили ящики с боеприпасами, сняли пушки с крюков и развернули навстречу немцам.

Да, братцы мои, такое вовек не забудется! Желтая поспевающая рожь враз почернела от поднявшихся во весь рост фашистов, а нас было всего сорок три человека и четыре орудия, никак не окопанных. Мы встретили их в упор картечью — картонными снарядами, начиненными двумястами пятьюдесятью шариковыми пулями. Наши снаряды, лопаясь почти у самого ствола, до земли вырывали рожь, выкашивая в ней вместе с фашистами глубокие веерообразные прокосы. Расчеты вели огонь между тут же стоявших машин. Справа от нашего орудия грохотала пушка старшего сержанта Мухамеддиева, слева, самая крайняя, — Борисова.

Мы работали у орудий на голом шоссе, и ничего нас не прикрывало, кроме пушечных щитов, скрежетающих от пуль. Но за щитом не упрячешься: после каждого выстрела пушку, станины которой не имели упоров, отбрасывало в кювет, и надо было выходить из-за щита, хвататься за станины и снова выкатывать орудие на шоссе. Сперва проделывали это довольно быстро, но вскоре расчеты стали нести потери, и выкатывать более чем тонное орудие малыми силами с каждым разом становилось все труднее и труднее. А враг упорно наседал. Наши машины давно уже горели, оглушительно рвались оставленные там ящики со снарядами, смрадный дым забивал дыхание.

Я плохо помню, что и как я делал тогда, я себя совсем не чувствовал, меня, казалось, не было вовсе. Руки работали помимо моей воли в каком-то механическом неконтролируемом движении. Гремел очередной выстрел, мимо, изрыгая пороховые газы и дымившуюся гильзу, промель-

кивал казенник, пушка, подпрыгнув и сбивая с ног артиллеристов, заваливалась в кювет, и мы, чумадые, закопченные, перепачканные чьей-то кровью, уже не узнавая друг друга — кто есть кто и сколько нас осталось, — какими-то озверевшими мышцами, молча, а может, и не слыша своих голосов, упрямо выкатывали орудие на прежний рубеж.

И все-таки силы были чудовищно неравны! Кончились и боеприпасы, те несколько ящиков, которые успели сбросить с машин.

Я даже не помню теперь, как остался один у орудия и уже ничего не мог сделать с пушкой, которая, завалившись станинами в придорожную канаву, беспомощно задрала к небу свой длинный хобот. Помню только, что я, как-то враз обессиленный, сидел в кювете и никак не мог вскрыть диск автомата. Но я его все-таки вскрыл: там оказалось всего лишь семь патронов. И меня охватила тоска...

И вот тут-то я и увидел Борисова. Пригнувшись за щитом, он один отстреливался из своей пушки. Его расчет успел-таки какими-то колями, снарядными ящиками укрепить сошники, и орудие, окруженное стреляными гильзами, которые он отшвыривал из-под казенника, то и дело ахало пронзительно визжащей картечью.

Я пополз к нему помогать.

Борисов, лишь мельком взглянув на меня и коротко бросив: «Осколочный!» — сосредоточенно припал к резиновому наглазнику прицела.

В виду орудия немцев не было, они откатились подальше от картежных шквалов, залегли где-то во ржи и оттуда вели огонь вслепую, не поднимая головы. Но вот вскоре, опомнившись, они опять ринулись густой лавой в атаку, и их рогатые каски вдруг замелькали над колосьями чуть левее орудия. Было ясно, что они хотели обойти батарею с фланга и отрезать ее от своих.

— Карте-е-ечь! — как-то азартно пропел Борисов, и его лопатка заходила ходуном оттого, что он быстро накручивал рукоятку разворота.

И тут случилось это... После первого же выстрела распатавшиеся, наскоро заколоченные колья вышибло отдачей и пушка, с лязгом расталкивая пустые гильзы, покатилась в канаву.

Ах черт, если бы не эти проклятые сошники! Уже не слышно было третьего орудия Мухамеддиева, а вскоре замолкло и четвертое... Я навалился плечом на правое колесо, а Борисов, сомкнув станины и взвалив их на плечи, весь набычась, уперев в землю могучие столбы ног, пытался вытолкнуть пушку на шоссе. По вздувшемуся от напряжения лицу его блуждала какая-то теперь виноватая улыбка, будто он стеснялся передо мной своего бессилия. Я же тужился хоть сколько-нибудь повернуть колесо, но, уже окончательно выдохшийся, мало чем мог помочь.

— Все будет хорошо! — твердил Борисов, подбадривая меня. — Все будет хорошо.

Но пушка не поддавалась.

И тогда он, продолжая приговаривать: «Все будет хорошо!» — вышел из-за щита, охватил своими ручищами пушечный ствол и принялся воротить его на сторону. Тысяча сто пятьдесят килограммов металла шевельнулись и медленно начали накатываться на кромку асфальта...

— Давай, поше-ел! — слышался его подбадривающий голос, будто вокруг не свистели пули, будто он работал на какой-нибудь молотилке. — Иде-ет, ид...

Пушка резво дернулась и грохнулась о землю задранными станинами. Я высунулся из-под щита и увидел Борисова.

Широко раскинув кирзачи, он лежал на асфальте. На его спине, на выбеленной солнцем гимнастерке как раз под лопаткой зловеще проступило темное пятно...

Немцы вырвались к шоссе и залегли в противоположном кювете. Остатки нашей батареи сбились в кучу за одной из догравших машин, прячась в черном дыму, отстреливаясь из-под колес. Я перевел рычажок автомата на одиночные выстрелы и старался как можно дольше растянуть свои семь патронов...

На какое-то мгновение немцы, засевшие от нас в десяти метрах по другую сторону шоссе, замешкались. Воспользовавшись этим, комбат решил отходить. Но отходить было некуда, кроме трясины, которая начиналась сразу же за нами под насыпью. И мы, швырнув разом несколько оставшихся гранат, ринулись в болото. О том, что мы ушли, оглушенные гранатами фашисты сообразили не сразу, и только спустя какое-то время, когда мы уже продирались по грудь

в воде сквозь камыши и кудлатые лозняки, немцы открыли по нам беглый огонь...

На противоположный берег выбралось всего несколько человек.

Потом, сколотив группу, мы вместе с подоспевшей пехотой отбили свои пушки и отбросили немцев.

Тут же, у шоссе во ржи, поваленной картечью, вырыли братскую могилу и снесли с поля боя к ней своих погибших батарейцев. Завернули в плащ-палатку и старшего сержанта Борисова. Даже смерть не смогла стереть с его лица неизменную улыбку. Казалось, он и тогда, у края могилы, твердил про себя: «Все будет хорошо...»

Бойцов собрали на короткий прощальный митинг, полковой политрук произнес речь. И только из его слов я узнал, что Борисов был парторгом нашей батареи.

Прогремели залпы последних воинских почестей, и полк двинулся на запад. Впереди ждала многострадальная Польша, за ней притаилось логово ненавистного врага. И долги еще были версты, и трудны рубежи на пути к долгожданной победе.

* * *

Горькая это миссия — навещать братские могилы. Как ни бейся сердцем о молчаливые надгробья, как ни скорби о павших, понимаешь, что ничем и никогда им уже не помочь. И хотя я тоже не избежал кровавых рубцов, а один из осколков и до сих пор сидит в моем правом виске и лишь слепой случай не уложил рядом с ними, — всякий раз, стоя у обелиска, я испытываю чувство вины, что остался жив. В смятении мысль от роковых судеб минувшей войны, и только переведа взгляд от высеченного списка на мирные дали, утешаешься сознанием: мы, оставшиеся вживе, — благодарные свидетели того, что все же неисчислимые жертвы были не напрасны. Родина, во имя которой вы пали, осталась жива и будет пребывать вовеки.

Пусть же в день Великой Победы до ваших тихих могил долетают весенний переплеск родных берез, шелест хлебных всходов, детский смех и вольный выговор отечественной речи спасенных вами от поругания!

Раздел 2.

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ «КУРСКАЯ БИТВА»

**Савелий
ЧЕРНЫШЁВ**

06.12.1919 – 30.05.2017

Участник Великой Отечественной войны. Участник Курской битвы. Орденосец. Прозаик-мемуарист. Член Союза курских литераторов.

Г.К. ЖУКОВ НА КУРСКОЙ ДУГЕ

Жуков Георгий Константинович, четырежды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза, внёс огромный вклад в достижение победы в Курской битве.

Курская битва – одно из крупнейших и решающих событий Второй мировой войны. В ходе этой битвы гитлеровской военной машине был нанесён новый сокрушительный удар, в результате которого немецко-фашистское командование вынуждено было окончательно отказаться от наступательной стратегии и перейти к стратегической обороне. В период Курской битвы маршал Жуков был членом Ставки Верховного Главнокомандования и заместителем Верховного Главнокомандующего, по поручению которого координировал действия фронтов в ходе оборонительных и наступательных операций под Курском и, по долгу службы, принимал непосредственное участие в планировании и подготовке этой битвы.

Как известно, в результате зимнего наступления Красной Армии в 1942-43 годах в районе Курска образовалась огромная дуга в линии фронта. Глубоко вклинившийся на запад выступ имел важное оперативное значение. С конца марта этот выступ обороняли войска двух наших фронтов – Центрального и Воронежского.

В сложившейся к тому времени обстановке на фронтах перед Ставкой Верховного Главнокомандования встал во-

прос о характере действий советских Вооруженных сил весной и летом 1943 года: наступать или обороняться, и если обороняться, то как? Находясь со второй половины марта и в начале апреля на Воронежском фронте по указанию Сталина, Георгий Константинович Жуков, изучив обстановку на фронте и проанализировав сведения нашей разведки о наличии войск противника в районе Орла, Сум, Белгорода и Харькова, послал 8-го апреля Верховному Главнокомандующему доклад, в котором высказал свои соображения о возможных действиях противника весной и летом 1943 года и о наших оборонительных боях на ближайший период.

В конце доклада Жуков писал: «Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника».

12 апреля на состоявшемся в Ставке совещании, где присутствовали Сталин, Жуков, Василевский и Антонов, соображения Жукова были рассмотрены и одобрены. Ставка приняла предварительное решение на преднамеренную оборону под Курском, с последующим переходом в контрнаступление. Это было выдающееся решение в истории военного искусства, принятое по инициативе маршала Жукова.

По поручению Ставки Георгию Константиновичу пришлось в ходе подготовки войск к предстоящим сражениям в районе Курска всё это время провести на Центральном и Воронежском фронтах, на месте изучать обстановку, ход подготовки фронтов к оборонительным боям и информировать по этим вопросам Верховного Главнокомандующего.

Бывая в войсках, Жуков оказывал большую помощь командирам дивизий, корпусов и армий в построении обороны, в организации взаимодействия всех родов войск, в проведении перегруппировки войск, их материальном обеспечении, помогал фронтовому командованию успешно решать боевые задачи.

Георгий Константинович неоднократно бывал на переднем крае, с разных точек просматривал оборону врага, наблюдал за его действиями. О результатах своей работы в войсках Воронежского и Центрального фронтов он регулярно посылал донесения Сталину, в которых подробно сообщал о действиях противника и его намерениях, о подготовке наших войск к оборонительным боям, об их укомплектованности личным составом, вооружением и боеприпасами.

В конце донесений, как правило, даются советы и предложения командующим родами войск вооруженных сил, Генеральному Штабу и Ставке, что необходимо сделать, какую помощь оказать фронтам, чтобы они успешно могли решать предстоящие боевые задачи.

Писатель Карпов в своей книге «Маршал Жуков» сообщает, что выезжая на фронт, в действующую армию Жуков ежедневно в конце дня, а чаще ночью или утром писал совершенно секретные донесения Сталину. Эти донесения ввиду их большой секретности писались в единственном экземпляре лично Жуковым или под его диктовку генералом для особых поручений. Их текст передавался Верховному Главнокомандующему только шифром. Эти донесения собраны в несколько объёмистых томов по пятьсот и более листов, которые хранятся в архиве.

Вот ещё один характерный штрих в работе маршала Жукова. В последних числах июня обстановка в районе Курска относительно прояснилась. Нашему командованию стало очевидным, что именно здесь противник в ближайшие дни перейдёт в наступление. 30-го июня в штаб Центрального фронта Жукову позвонил Сталин и приказал, чтобы он оставался на Орловском направлении для координации действий Центрального, Брянского и Западного фронтов.

Вечером 4-го июля Жуков находился в штабе Рокоссовского. В третьем часу утра Рокоссовскому позвонил командующий 13-й армией генерал Пухов и доложил, что захваченный пленный сапёр 6-й пехотной дивизии сообщил о готовности немецких войск к переходу в наступление. Ориентировочно время назвал 3 часа утра 5-го июля.

Рокоссовский спросил Жукова – что будем делать? Докладывать в Ставку или дадим приказ на проведение

контрподготовки? «Время терять не будем, Константин Константинович. Отдавай приказ, как предусмотрено планом фронта и Ставки, а я сейчас позвоню Сталину и доложу о принятом решении». В этот ответственный момент Жуков не стал, как говорится, прятаться за спину Верховного, а всю ответственность взял на себя.

В ходе развернувшегося сражения на Курской дуге Жуков 9-го июля по приказу Сталина прибыл в штаб Брянского фронта с задачей вводить в дело Брянский фронт. По прибытии он побывал во всех армиях Брянского и Западного фронтов и в меру возможностей оказывал им помощь своими советами. 12-го июля войска Брянского фронта и 11-я гвардейская армия Западного фронта перешли в наступление и в первый день операции прорвали оборону врага и начали продвижение в сторону Орла.

В этот же день, т.е. 12 июля Сталин приказал Жукову немедленно вылететь в район Прохоровки, где шло ожесточённое танковое сражение, разобраться в обстановке и принять на себя координацию действий Воронежского и Степного фронтов. 13 июля Жуков прибыл в район Прохоровки и приступил к изучению обстановки.

И здесь Жуков провёл большую работу в войсках этих фронтов, особенно в период подготовки и проведения наступления по плану операции, имеющей условное название «Румянцев».

Как известно, в ходе наступления нашими войсками 5-го августа был освобождён город Белгород. Впервые в Москве был произведён артиллерийский салют в честь освободителей Белгорода и Орла.

Оценивая ход событий на Степном и Воронежском фронтах, Жуков 6 августа совместно с командованием Степного фронта направил Верховному Главнокомандующему предложения по развёртыванию операций на Харьковском направлении. В тот же день представленный план действий по разгрому противника в районе Харькова был утверждён Ставкой. 23-го августа Харьков был освобождён от немецко-фашистских захватчиков. На этом и закончились величайшие сражения в районе Курска, Орла, Белгорода, Харькова, Богодухова и Ахтырки. Завершилась Курская битва пол-

ным разгромом главной группировки германских войск, на которую Гитлер возлагал так много военно-политических задач.

Маршал Василевский в своей книге «Дело всей жизни», оценивая деятельность Жукова в годы прошедшей войны, писал: «Думаю, что не ошибусь, если скажу, что самой яркой фигурой среди полководцев в период Великой Отечественной войны являлся Георгий Константинович Жуков. Я всегда восхищался его неукротимой энергией, широтой и глубиной стратегического мышления. Характерной чертой было его постоянное стремление научить командующих и войска искусству побеждать врага с наименьшими потерями и в короткие сроки. Нельзя не сказать при этом о его блестящем организаторском таланте».

**Виктор
ДАВЫДКОВ**

Род. 17.05.1949

Поэт, прозаик.

*Член Союза писателей России
с 1994 года.*

У ОЛЬХОВАТСКОГО КУРГАНА

*У былинной и легендарной высоты 274 западнее
села Ольховатка Поньировского района Курской области*

Я стою на высоте, где лежал валун аршинный
Пред развилкой трёх дорог*.
И где Муромец былинный
Выбрал путь один из трёх:
Чтоб, всерьёз рискнув собою,
Русь избавить от разбоя.
Где позднее, в сорок третьем,
В эпицентре Мировой
Фронт Центральный обессмертил
Подвиг недюжинный свой.
Здесь в полях у той дороги,
Что Кромской звалась, —
У гряды высот — порогом**,
Созданной под Курском Богом, —
Сеть траншей вилась.
Вижу, как в трубу подзорную,
Я сибиряка.
Взгляд спокойный, стать достойная,
Смотрит сквозь века.
Положил на бруствер рядом
Две гранаты. И патрон

Он догнал в винтовку ладом.

Не окоп — а трон.

Лишь уверенный в победе

Выиграть мог бой.

Слава слав отцов и дедов

Русской вызрела судьбой.

Был особенный настрой

И жестокой битва

Курская. И песню пой

Острую, как бритва.

Бах!.. Воронки, словно соты,

На полях ржаного хлеба.

Бух!.. И нет уже полроты...

Пыль и гарь закрыли небо.

Брусовец*** тёк, крови полный,

Средь огня и тьмы.

И качались, словно волны,

Ольховатские холмы.

Неделю здесь — на переломе лета —

Шла битва за страну и за планету.

До тыщи танков с двух сторон сражалось,

Земля стонала, матом выражалась

За созданный людьми кромешный ад.

Но разве ж русский виноват солдат, —

Защитник и Отечества, и дома,

В предчувствии войны излома.

Неделю здесь — на переломе лета —

Шла битва за страну и за планету.

И танков тьма фашистских впереди,

И шанса выжить не было почти.

Орудия разбиты, и комбат

Ползёт под танк со связкою гранат.

Неделю здесь — на переломе лета —

Шла битва за страну и за планету.

И всё ж ты битву выиграл, солдат.

А дух победы выше всех наград.

*

Изогнувшись длинными логами,
Словно бы огромными рогами,
Посадила наглого врага
Ольховатка прямо на рога.

*

Курский выступ каблуком
На пути державном старом
Вражьих армий жуткий ком
Раздавил одним ударом.

Курский выступ воступком
Так врагу под зад заделал,
Что летел тот кувырком
В чужеземные пределы.

*

Все Иваны на Руси случайны,
Простотой своею гениальны.
Всем народом на войну ходили.
Потому врага и победили.

Одолели разумом, хоть знали,
Что закрыли Родину телами.

*

Этот колос колосс,
Он из праха пророс
И такой же усатый, как воин;
Что в кромешном аду
От России беду
Отводил и отвёл в этом поле.
Был спокоен боец,
Хоть огонь до небес
Поднимался от жутких разрывов.
Здесь схлестнулась в бою,
Ей я славу пою,
Доблесть россос
С немецкою силой.
Здесь!.. кладбища — поля.
Здесь!.. костями земля

«Прорастала» из пашен весною.

Безымянных солдат

Я крещу наугад,

Хоть какой-то пусть крест

Да наложен.

* Западнее с. Ольховатка находится гряда высот, которая является вершиной Среднерусской возвышенности (высоты тянутся с северо-запада на юго-восток, а условно-параллельно данной гряде течёт р. Брусовец, по берегам которой вытянулось с. Ольховатка).

Вершину высоты 274,5 (274) пересекает общая колея древних дорог. Ныне местные жители эту колею называют Кромской дорогой. Ранее по ней проходила трасса Москва – Симферополь, но в 19 веке участок этой трассы от Кром до Курска был передвинут и проведён западнее – через уездный г. Фатеж.

Еще раньше здесь проходила знаменитая Московская (Курская) дорога.

Согласно сведениям, сохранившимся в народе, именно здесь проходила в древности легендарная Муромская дорога.

На вершине высоты 274,5 (274) до ВОВ лежал фомадный известковый валун, у которого путник мог устроить себе привал.

Екатерининский тракт после Ольховатки (т.е. западнее села) пересекал вершину высоты 268,5, лежащую на данной гряде, южнее высоты 274,5. С западной стороны указанной гряды высот эти две дороги сливались и шли по общей колее до Курска (по водоразделам между реками). Но от этой (Курской) колеи ответвлялись две дороги:

влево – Пахнутцева дорога (параллельная ветвь Пахнутского шляха), которая шла через Золотухино, а затем по водоразделу между реками Полевая Снова и Тускарь – к Косорже, где соединялась с Пахнутским шляхом;

вправо ответвлялась Городенская сакма, которая вела по водоразделам между реками к броду через р. Сейм, находящемуся недалеко от г. Льгова (в устье реки северо-восточнее города); остатки городища (Городенска) сохранились до сих пор, очевидно, был построен для охраны брода.

** Гряда высот западнее Ольховатки.

*** Один из западных притоков р. Сновы.

**Артём
ВИННИКОВ**

Род. 16.07.1995

*Поэт. Член Союза курских
литераторов.*

ЧАСЫ ДЕДА

На часах боевых вновь без четверти два,
На часах, что достались от деда,
Их и жизнь на войне сохранил он едва –
В тех боях, что ковали победу.
Без завода без малого семьдесят лет,
Мы в них символ победы хранили.
Был бы дедушка рад... Только дедушки нет.
Уж давно его раны отныли.
В этом – черная сущность, природа войны –
Приносить с собой горе и раны;
В бой уходит народ, патриоты страны,
А приходят с войны ветераны.
Их немного вернулось с полей боевых,
Но сегодня в живых единицы:
Не щадит, увы, время героев своих,
Уводя их за жизни границы.
Есть особая стать в ветеранах войны –
В них и вера, и гордость, и память,
И их подвигов доблестных в сердце страны
Всё горит негасимое пламя.
Как влитые, не двигаясь, стрелки стоят
На часах, что достались от деда,
Много лет те часы в себе память таят,
Память светлую – память Победы!

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Победу встречал наш великий народ,
Пройдя через горе и беды,
Ведь в мире великая память живёт,
Как отдал он всё для победы.
И было великих сражений не счесть,
И многие жизнью платили,
В бою отстоять чтоб народную честь
И право на жизнь в этом мире.
Великою скорбью вернётся война,
В сердцах нескончаемой болью,
И солью от слёз окропится земля,
Как прежде — кровавою солью.
Но сколь ни значительна скорбь от потерь,
А радость победы сильнее;
Воитель из братской могилы, поверь —
Мы вас позабыть не посмеем.
Победу встречает великий народ,
Сквозь время пройдя и невзгоды,
Во всём мире вечная память живёт
О битвах в те страшные годы.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**